

И. Г. Гончаренко

I. Goncharenko

*Российский государственный
профессионально-педагогический
университет, Екатеринбург*

*Russian State Vocational
Pedagogical University, Yekaterinburg*

Судебный дискурс в современных лингвистических исследованиях

Judicial Discourse in Contemporary Linguistics

***Аннотация.** Охарактеризованы основные направления анализа судебного дискурса, существующие в современной отечественной лингвистической литературе, а также подходы к изучению судебного дискурса как дискурса институционального. Проанализировано исследование особенностей судебного дискурса. Указаны пути дальнейших исследований.*

***Abstract.** The article describes the main directions of judicial discourse analysis that exist in contemporary linguistics. The approaches to the study of judicial discourse as institutional discourse are characterized. The studies of the peculiarities of judicial discourse are analyzed. The directions of further research are presented.*

***Ключевые слова:** институциональный дискурс; судебный дискурс; нарратив; риторический прием; коммуникативная стратегия; теория аргументации; критический анализ дискурса.*

***Keywords:** institutional discourse; judicial discourse; narrative; rhetorical device; communication strategies; argumentation theory; discourse analysis.*

«Институциональный дискурс» – термин, который активно используется в современных лингвистических исследованиях, посвященных анализу дискурса. В отечественной лингвистической литературе наиболее внятное теоретическое наполнение данного термина можно встретить в работе В. И. Карасика [12]. Важнейшим отличием институционального дискурса от других типов дискурса является то, что правила его реализации, нормы поведения участвующих в нем субъектов определяет обслуживаемый им социальный институт (образование, политика, здравоохранение, право и др.).

Ярким примером институционального типа дискурса является судебный дискурс; правила коммуникации в нем определяются нормами действующего законодательства.

Активное изучение институционального дискурса приводит к появлению новых методик анализа, в частности, весьма перспективной представляется предложенная Т. А. ван Дейком программа исследования властных отношений в дискурсе, целью которой является анализ дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью и социального неравенства [35]. Подобного рода анализ мог бы быть эффективно применен к аргументации в любом институциональном дискурсе, в том числе судебном.

В отечественной лингвистической литературе, посвященной анализу судебной коммуникации, довольно редко встречаются работы, в которых были бы применены новые методики и подходы. При этом существует немало теоретических работ, в которых дается вполне очевидное, не отличающееся новизной определение судебного дискурса [31] и дискурса правового [33, 34]. Представление об уровне рассмотрения вопросов, связанных с определением правового дискурса, можно составить, обратившись к работе Л. А. Шариковой и В. Ю. Гейер. В их статье предпринята попытка выявить «лингвостилистические характеристики правового дискурса» и описать «особенности юридического языка» [34, с. 97]. Известно, что и «лингвостилистические характеристики» и «особенности юридического языка» давно описаны в трудах по стилистике, поэтому закономерно, что работа этих исследователей изобилует не имеющими практически никакой научной новизны наблюдениями, например: юридический язык характеризуется «высокой степенью абстракции юридических понятий», «четкостью, неэмоциональностью, апеллирует к фактам и прецедентам» [34, с. 102]. Явно малосодержательными в плане научной новизны являются и формулируемые в их статье определения: «*Юридические тексты* – это произведения официально-делового стиля, который обслуживает административно-правовую сферу общественной деятельности и реализуется преимущественно в письменной форме, имеет минимум субъективно окрашенных элементов в силу функционирования в стандартных, официальных ситуациях» [34, с. 99] и т. п.

На первый взгляд, менее тривиальными кажутся работы, посвященные анализу коммуникативных стратегий и тактик в судебном дискурсе. Основополагающее значение для работ этого типа имеет монография

О. С. Иссерс [11], так как коммуникативная стратегия и тактика определяются в ней точно так же, как и в работах Г. В. Кубиц, В. А. Мальцевой, Э. Ш. Никифоровой [18, 20, 22].

Если общее понимание стратегии и тактики в указанных работах является практически одинаковым, то критерии их выделения различаются, причем эти критерии нередко оказываются неопределенными или случайными.

В работе О. В. Красовской [17] за основу классификации стратегий коммуникации в судебном дискурсе взята модель вариантов поведения в конфликте Томаса–Киллмена, в соответствии с которой выделяются стратегии соперничества, сотрудничества, компромисса, приспособления, избегания. Стратегию соперничества, по О. В. Красовской, реализуют тактики дискредитации процессуального оппонента, дезориентации суда, угрозы оппоненту, обвинения процессуального оппонента, разоблачения оппонента, подозрения процессуального оппонента, возражения против заявления оппонента. Стратегии сотрудничества соответствуют тактики предложения, самооправдания, признания своих просчетов. Стратегия компромисса воплощается в тактиках уступки и игнорирования оппонента, согласия с критикой оппонента, сведения конфликта к незначительному разногласию. Стратегия приспособления реализуется в тактиках капитуляции и самооправдания. Стратегии избегания соответствуют тактики отрицания конфликта и перенесения конфликта на других лиц [17, 28].

В работе Э. Ш. Никифоровой [22] выделяются стратегии обвинения (отрицательная характеристика подсудимого, тактика дискредитации), защиты (тактики отрицания вины и дискредитации показаний свидетелей обвинения, доводов прокурора и выводов следствия) и эмоционального воздействия.

Исследователь В. А. Мальцева [20] выделяет семантические стратегии, направленные на достижение «первостепенных целей» коммуникации, и вспомогательные стратегии – прагматические, риторические и диалоговые. К семантическим стратегиям относятся следующие: стратегия убеждения (ее воплощают тактики экспликации причинно-следственных связей и апелляции к авторитетам); стратегия деконструкции (тактика дискредитации); стратегии интерпретации действительности (тактики интенсификации и преуменьшения). Прагматическая стратегия самопрезентации реализуется в статусно-ролевой тактике, тактике построения имиджа, тактике подстройки. Средствами реализации эмоционально-настраивающей

стратегии являются тактики создания эмоционального фона и комплимента. Риторические стратегии реализуются в тактиках привлечения внимания, драматизации, имитации, аналогии, противопоставления.

В работах Т. В. Дубровской [7, 9] выделены три группы тактик взаимодействия судьи с обвиняемыми и свидетелями: тактики, целью которых является контроль процедуры и поведения подсудимого; тактики, направленные на получение информации о событии преступления; тактики, нацеленные на объяснение разных аспектов права [9]. Также в данных работах описано, как эти тактики используются российскими и английскими судьями.

В исследовании Е. В. Хлопковой [32] рассмотрены манипулятивные стратегии и тактики в судебном дискурсе. Она выделяет аргументативную стратегию манипулятивного воздействия, которая реализуется при помощи тактики приведения доводов (доводы «к очевидному», «к логосу», «к пафосу»); стратегию надевания маски, которая воплощается при помощи тактик комментирования свидетельских показаний, ведения беседы со свидетелем и др. Также в работе дано описание стратегии переакцентуации, дискредитирующей манипулятивной стратегии и контролирующей стратегии, которая реализуется при помощи тактики «настаивания на припоминании».

Очевидно, что в перечисленных работах то, что традиционно называлось приемом или уловкой, получает название тактики – происходит нечто подобное переименованию, в котором, по-видимому, и заключается новизна указанных работ.

Примечательно, что в ряде исследований те же терминологические обозначения «стратегий» и «тактик» применяются по отношению к аргументации: «В процессе создания речи адвоката, как правило, вначале отбрасываются рациональные частные стратегии, к которым можно отнести: опровержение доводов прокурора, толкование норм законодательства, анализ показаний экспертов и пр. Затем привлекаются этические частные стратегии: «благие намерения» (которыми руководствовался подсудимый при совершении деяния), осуждение потерпевшего (в случаях, когда он сам провоцировал подсудимого), дискредитация стратегии прокурора и пр. Наконец, в последнюю очередь извлекаются психологические тактики: сочувствие подсудимому (адвокат живописует его жизнь так, чтобы сформировать представление о невыносимости обстоятельств и условий), иллюстрирование, сопоставление и пр.» [26, с. 31–32; 27]. Исследователю Н. К. Пригариной принадлежит классификация не просто коммуникативных стратегий,

а стратегий аргументации, которые она разделяет на этические, рациональные, эмоциональные.

Таким образом, приходится констатировать, что в работах, посвященных анализу «стратегий» и «тактик», несмотря на некоторую новизну терминологии, не содержится никакой теоретической новизны. В то же время в ряде работ (Т. В. Дубровская, Е. В. Тархова, Н. И. Удина) приемы называются приемами, а не стратегиями и тактиками, и сохраняется традиционная терминология риторики [10, 29, 30]; а, например, в работе Е. И. Губенко с использованием инструментария логической семантики проанализированы некоторые уловки в судебном диалоге [6].

Существуют работы, в которых можно увидеть некоторое стремление к методологическому обновлению. Так, в исследовании Л. Ю. Василенко предпринята попытка лингвокогнитивного анализа аргументации в судебном тексте [4]. Примеры «тонкого» анализа аргументации в дискурсе можно найти в исследованиях Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста [36], разрабатывающих так называемый прагма-диалектический подход к анализу аргументации. Попытка использовать данный подход с опорой на исследования С. Тулмина реализована в работах Н. С. Баребиной [3], И. М. Васильяновой [5], О. В. Куликовой [19].

Особую группу исследований составляют работы, посвященные анализу нарратива в судебной речи. В методологическом отношении они остаются традиционными: в них используется инструментарий нарратологии, разработанный В. Я. Проппом, Ж. Женеттом, А.-Ж. Греймасом, Р. Бартом и др. Анализу соотношения наррации и аргументации, мимесиса и диегесиса в судебном дискурсе посвящены работы И. В. Палашевской [24, 25]. Представляется важным выделение ею трех типов событий в нарративе – референтного, модельного и нарративного: «Референтное событие – то, что произошло в действительности, ... модельное событие – то, что должно было произойти, а нарративное событие – то, как об этом рассказали. Три события связаны между собой отношением последовательной интеграции» [23, с. 156]. Релятивистский взгляд на нарратив в судебной речи представлен в монографии А. С. Александрова [1].

Существуют работы, в которых рассматриваются особенности нарратива в текстах конкретного автора, например А. Ф. Кони [2, 13].

Наконец, можно найти немало работ, посвященных изучению отдельных языковых аспектов судебного дискурса (анализу его стилистиче-

ских особенностей [14, 16], функционированию интертекста [8], особенностям когерентности [15]).

Таким образом, в современной лингвистической литературе представлены следующие направления исследования судебного дискурса: анализ институциональных признаков судебного дискурса, описание коммуникативных стратегий и тактик в судебном дискурсе, анализ риторических приемов и уловок в судебной речи, анализ аргументации в судебной речи, анализ нарратива. Из всех направлений наиболее современным и методологически отрефлектированным является анализ судебной аргументации.

Следует отметить, что на сегодняшний день практически не изучено прагматическое измерение судебной коммуникации, в ходе исследования которого можно было бы привлечь для анализа особенности невербального поведения коммуникантов, их мимику т. п., тем самым действительно «погрузив» дискурс в ситуацию его произнесения. Кроме того, в отечественной лингвистической литературе совсем не разработано направление «критического анализа дискурса», между тем именно судебный дискурс содержит элементы дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью.

Всестороннее, учитывающее современные методики и подходы исследование судебного дискурса имеет как теоретический, так и практический, прикладной смысл: в последнее время в планах учебных заведений появляются дисциплины, нацеленные на обучение институциональной коммуникации – педагогической риторике, судебной риторике, гомилетике, деловому общению, однако учебники по этим дисциплинам зачастую выглядят традиционно, незначительно отличаясь в части практических рекомендаций от риторик древности. Изучение институциональной коммуникации с учетом современных подходов и методик позволит обновить содержание учебных программ и учебников.

Список литературы

1. *Александров А. С.* Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. правовой академии, 2003. 420 с.

2. *Артемова Т. В.* Нарратив как элемент риторической стратегии (на материале судебных речей А. Ф. Кони) / Т. В. Артемова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2007. № 43. С. 55–57.

3. *Барбина Н. С.* Ориентирующая роль категории «топос» в контраргументации (на материале судебного дискурса) [Электронный ресурс] / Н. С. Барбина // *MagisterDixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири.* 2011. № 4. Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/barebina_orientiruyushchya_rolkategorii_18.11.11.pdf.

4. *Василенко Л. Ю.* Аргументация в тексте судебного решения: лингвокогнитивный анализ / Л. Ю. Василенко // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2011. № 25 (240). С. 19–21.

5. *Васильянова И. М.* Особенности аргументации в судебном дискурсе: автореферат ... кандидата филологических наук / И. М. Васильянова. Тверь, 2007. 18 с.

6. *Губенко Е. И.* Предварительные условия реализации дискурса судебной защиты / Е. И. Губенко // *Мир лингвистики и коммуникации.* 2007. Т. 1. № 8. С. 85–92.

7. *Дубровская Т. В.* «Выводы сделали для себя? или вас здесь как постоянных клиентов ждать?»: прагмалингвистические характеристики взаимодействия судьи и подсудимого / Т. В. Дубровская // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика.* 2009. Т. 9. № 4. С. 37–43.

8. *Дубровская Т. В.* Законодательные тексты как источник интертекстуальности в публичных речах судей / Т. В. Дубровская // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2009. № 3. С. 171–178.

9. *Дубровская Т. В.* О речевом взаимодействии судьи и допрашиваемого в ходе судебного допроса / Т. В. Дубровская // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* 2010. Т. 10. № 1. С. 54–61.

10. *Дубровская Т. В.* Речь русских и английских судей как средство организации судебной драмы / Т. В. Дубровская // *Гуманитарные исследования.* 2010. № 1. С. 36–44.

11. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

12. *Карасик В. И.* О типах дискурса / В. И. Карасик // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов.* Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

13. *Князькова Т. В.* Роль нарративной системы в осуществлении авторского замысла (на примере обвинительной речи А. Ф. Кони «По делу об

убийстве иеромонаха Иллариона») / Т. В. Князькова // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 130–148.

14. *Кожедуб Н. В.* Судебная речь с точки зрения функциональной стилистики / Н. В. Кожедуб // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 79–80.

15. *Коновалова М. В.* Типы когерентности в юридическом дискурсе / М. В. Коновалова // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 83–86.

16. *Крапивкина О. А.* О персонифицированном характере современного юридического дискурса / О. А. Крапивкина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 27–34.

17. *Красовская О. В.* О речевой коммуникации в судебной практике: учебное пособие / О. В. Красовская. Москва: Флинта: Наука, 2008. 128 с.

18. *Кубиц Г. В.* Стратегия речевого воздействия адвоката в судебном процессе / Г. В. Кубиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 80–82.

19. *Куликова О. В.* Роль и место аргументации в критической дискуссии / О. В. Куликова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 561. С. 40–47.

20. *Мальцева В. А.* Речевые тактики судебного спора / В. А. Мальцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 149. С. 95–103.

21. *Нефедова Л. А.* Стратегии коммуникативного воздействия как элемент речевого поведения участников русскоязычного судебного дискурса / Л. А. Нефедова, Э. Ш. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 229–234.

22. *Никифорова Э. Ш.* Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса / Э. Ш. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 17. С. 100–103.

23. *Палашевская И. В.* Нарративная организация судебного дискурса / И. В. Палашевская // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 155–158.

24. *Палашевская И. В.* Состязательный и персуазивный аспекты судебного договора / И. В. Палашевская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 137–141.

25. Палашевская И. В. Судоговорение: мимодрама и повествование / И. В. Палашевская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 156–162.

26. Пригарина Н. К. Об особенностях системы аргументации судебной речи / Н. К. Пригарина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2009. № 1. С. 28–33.

27. Пригарина Н. К. Риторический аспект изучения стратегий и тактик аргументативной деятельности / Н. К. Пригарина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 165–169.

28. Сараева Н. А. Судебное разбирательство как конфликтный дискурс и его стратегии / Н. А. Сараева // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 67–72.

29. Тархова Е. В. Анафора: ее типы, функции, их языковая репрезентация (на материале судебных речей русских юристов) / Е. В. Тархова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 251–252.

30. Удина Н. И. Функции вопросов в судебном дискурсе / Н. И. Удина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 553. С. 51–61.

31. Устинова К. А. Институциональные признаки судебного дискурса / К. А. Устинова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 125–127.

32. Хлопкова Е. В. Классификация манипулятивных стратегий и тактик в судебном состязательном дискурсе / Е. В. Хлопкова // Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 152–158.

33. Храмцова Н. Г. Правовой дискурс в теории права / Н. Г. Храмцова // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 80–84.

34. Шарикова Л. А. Особенности юридического мышления через специфику правового дискурса и языка / Л. А. Шарикова, В. Ю. Гейер // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 1. С. 96–103.

35. Dijk T. A. van. Discourse and Power / T. A. van Dijk. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.

36. Eemeren F. H. van. A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach / F. H. van Eemeren. Cambridge University Press, 2004. 226 p.